Линь Дянь со смешком цыкнул: — Мне так завидно. Вы оба уже столько лет как пара, а я всё один одинешенек. Четыре года университета пролетели, а я до сих пор холостяк. Неужели я какой-то король одиночества?

— К слову опустить этот момент, — лицо Чао Гэ покраснело, — что вообще за ситуация с тем подарком, который ты мне притащил в тот день? С чего вдруг подсовывать… какую-то чушь.

Линь Дянь тоже смутился, и его щеки порозовели: — Это не я придумал! Эй, даже не спрашивай, если спросишь — я просто выгорел дотла.

Поужинав у Чао Гэ, Линь Дянь вернулся в университет, а Чао Гэ тем временем навел порядок, положил еду в термосумку и решил попозже отвезти ее в больницу для Хань Линя.

Время было еще раннее, поэтому Чао Гэ вернулся в кабинет и запустил трансляцию, чтобы порисовать.

Его стиль отличался уникальностью. Время от времени он проводил стримы или записывал обучающие уроки, а сегодня планировал поработать над своей веб-мангой.

Манга называлась Счастливые обеды, а ее главными героями были два соседа по квартире — Голубь и Нож, которые вместе снимали апартаменты. Сюжет состоял из повседневных комичных зарисовок их совместной жизни.

На самом деле все истории в этой манге были срисованы из реальной жизни самого Чао Гэ и Хань Линя: Голубь был им самим, а Нож — Хань Линем.

Он не монетизировал эту мангу, не гнался за популярностью или трендами. Ему просто нравилось вести ее вроде еженедельного дневника — время от времени набросать новую главу и поделиться ею с подписчиками.

Включив трансляцию, Чао Гэ написал на экране сегодняшнюю цель, свернул окно панели управления и больше к ней не возвращался.

Во время рисования Чао Гэ был предельно сосредоточен. Он даже не включал фоновую музыку, оставляя лишь музыкальный автомат, чтобы зрители могли заказывать треки, но по привычке выводил на экран чат с бегущими сообщениями.

Обычно в его чате было немного зрителей, так что сообщения никак не мешали ему смотреть на рабочую область графического редактора. Зато он очень любил, закончив небольшой фрагмент рисунка, перевести дух, почитать комментарии и немного пообщаться с аудиторией.

Разговаривать он не мог, поэтому единственным способом общения для него было печатать текст на экране либо писать и рисовать от руки.

Хотя поклонники не знали о его немоте, те, кто регулярно смотрел его стримы, уже привыкли к такому формату общения и даже полюбили его.

[Мастер, сегодня рисуешь Голубя и Ножа?]

[Ура, успел на трансляцию к учителю!! О-о-о-ой!]

[О, сегодня рисуем Счастливые обеды? Последнее обновление было аж две недели назад, неужели маэстро в последнее время так занят?]

Чао Гэ бросил взгляд на чат и написал на планшете: [Недавно немного закрутился с переездом.]

Закончив писать, он стер текст и, больше не обращая внимания на новые сообщения в чате, полностью погрузился в работу.

Он рисовал за полночь — уже перевалило за десять. Глядя на время, Чао Гэ завершил трансляцию, подогрел еду, взял термосумку и поехал в больницу.

Здесь темнело быстро: стоило перешагнуть порог после десяти вечера, как вокруг воцарилась непроглядная тьма. Чао Гэ предельно осторожно вел машину по ночной дороге.

Новый дом находился близко к больнице, дорога заняла всего пару минут.

Чао Гэ часто бывал здесь. Дежурный на проходной уже знал, к кому он ходит, а сам Чао Гэ отлично помнил, как срезать путь в это время суток. Они обменялись взглядами, Чао Гэ сунул охраннику пакетик с печеньем и прошел в хирургический корпус.

Чао Гэ вовсе не считал это взяткой — скорее, обычным проявлением человеческого тепла.

Старший охранник помогал ему, а он время от времени делал ответный подарок. Это было вопросом элементарной вежливости.

На пятом этаже хирургического корпуса располагалось кардиохирургическое операционное отделение. Поднявшись на лифте, Чао Гэ сразу заметил в сестринском посту свою знакомую.

— А вот и Чао Гэ пришел! Доктор Хань все еще в операционной, — произнесла одна из медсестер.

Вторая, склонившись над столом, бросила взгляд на термосумку в руках Чао Гэ: — Чего вкусненького на этот раз принес доктору Ханю?

Чао Гэ открыто улыбнулся им, подошел ближе и протянул пакетик с печеньем.

Дежурить глубокой ночью тяжело, и если не перекусить, голод обязательно даст о себе знать.

— Ой, спасибо, Чао Гэ! Ты каждый раз приносишь угощения, нам уже даже неловко, — сказала медсестра. — Но как бы ни было совестно, удержаться я не могу, ха-ха-ха.

— У Чао Гэ просто золотые руки. Интересно, кому посчастливится выйти замуж за такого человека? — тихо проговорила другая медсестра, не смея поднять взгляд на Чао Гэ, хотя ее щеки мгновенно залились ярким румянцем.

Услышав это, ее коллега хихикнула и легонько толкнула ее локтем.

Сердце Чао Гэ пропустило удар. Он указал девушкам на дверь операционной, показывая, что ему пора идти, и, не доживаясь ответа, быстренько скрылся.

Сам он был убежденным гомосексуалом и к девушкам мог испытывать лишь дружеские или родственные чувства. Из-за своей юношеской внешности он привык, что девушки чаще воспринимают его как младшего брата, и за последние пару лет мало кто проявлял к нему какой-то иной интерес.

У него уже был любимый человек, так что связываться с подобным не стоило, и заметив неладное, лучше было вовремя ретироваться.

Чао Гэ появился очень вовремя: не прошло и нескольких минут, как двери операционной распахнулись и оттуда по очереди вышли несколько человек. Хань Линь был среди них.

Стоило им выйти, как они даже не успели переглянуться, поскольку Хань Линя тут же плотным кольцом обступили родственники пациента, дежурившие у входа.

Чао Гэ не спешил подходить и просто встал в стороне, дожидаясь, пока Хань Линь закончит с делами.

Проведя несколько часов за сложной операцией, Хань Линь выглядел заметно уставшим, но тем не менее терпеливо отвечал на вопросы родных.

Его манера держаться была спокойной и сдержанной, говорил он неторопливо, а на лице хоть и не было улыбки, от него исходило непоколебимое ощущение надежности.

Наблюдая за ним издалека, Чао Гэ невольно подумал про себя, что когда-то и сам попался на эту удочку, будучи «ослепленным» именно таким его образом.

Кто бы мог подумать, что после сближения выяснится: внешне Хань Линь — воплощение респектабельности, а в душе — тот еще хитрый пес, который только и делает, что задирает его.

Впрочем, со временем Чао Гэ и сам привык к этим подначкам, и если проходил день без какой-нибудь пакости со стороны возлюбленного, ему даже становилось как-то не по себе.

При этих мыслях стоявший напротив Хань Линь как раз поднял глаза и встретился с ним взглядом, чуть приподняв брови.

Чао Гэ помахал термосумкой в руке и с улыбкой показал, чтобы тот продолжал заниматься своими делами.

Хань Линь кивнул и действительно не стал отвлекаться, продолжая успокаивать родственников. Вскоре те разошлись, так как из операционной вывезли пациента.

Пользуясь моментом, Хань Линь подошел к Чао Гэ, забрал у него термосумку, приобнял за плечи и направился с ним в свой кабинет: — Давно ждешь?

Чао Гэ показал жестами: [Я только пришел, принес тебе суп со свиными ребрышками.]

— Как раз проголодался, — сказал Хань Линь. — Сначала зайдем в кабинет.

Обычно после операций Хань Линь не был склонен к разговорам и, помимо необходимых медицинских указаний, предпочитал просто отдыхать.

http://bllate.org/book/40407/5128682